донская экспедиция // АО, 1969. М., 1970. С. 39 — 41.

[30] **Матвеева В. И.** Работа Верхнедонской экспедиции в Липецкой области // АО, 1978. М., 1979. с. 71 — 72. **Матвеева В. И.** Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное // КСИА. 1982. Вып. 171. с. 99 — 103.

[31] **Матвеева В. И.** Указ. отчет за 1972 г. **Матвеева В. И.** Указ. отчет за 1973 г. **Матвеева В. И.** Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН СССР, № 7987.

[32] **Бессуднов А. Н., Бирюков И. Е., Козмирчук И. А.** Указ. соч. С. 93.

[33] **Цыбин М. В.** Древнерусские памятники XII — XIV вв. в округе Ельца // Тез. докл. Елец. 1991. с. 13 — 14. **Цыбин М. В.** К изучению сельской округи летописного Ельца // Тез. докл. Липецк. 1992. с. 202 — 203. Автор выражает признательность сотруднику отдела археологии ГИМ Емельянову А. В. за помощь, оказанную в процессе написания данной публикации.

В. Л. ЕГОРОВ

ВЛАДЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РАЙОНЕ БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО ДОНА

Рассматривая историю бассейна Верхнего Дона, нужно в первую очередь отметить природные особенности региона, которые сыграли не последнюю роль в судьбах проживавшего здесь населения. Именно в этом районе вдоль течения Дона с юга на север широким клином врезается степной язык, основание которого приходится на современную Липецкую область, а сужающееся острие упирается в Оку, несколько севернее Тулы. Почти сплошная линия лесной растительности уступает место типичному степному покрову с преобладанием ковыля, отдельные участки которого сохранились до нашего времени. Встречающиеся кое-где небольшие рощи лиственных деревьев не нарушают общего восприятия верхнего Подонья как обычного степного ландшафта. Характеристику тульского степного коридора, — как его чаще всего называют, — дополняют великолепные черноземные почвы, способствующие одновременно и густому травостою, и хорошим урожаям пахотных культур. Все сказанное позволяет с несомненностью утверждать, что столь привлекательный район издавна пользовался вниманием как кочевого, так и оседлого населения.

Не углубляясь слишком далеко в древность, можно отметить существование здесь скифских городищ, располагавшихся, как правило, на мысах по течению рек. Достаточно интенсивно обживалось верхнее и среднее Подонье в период Древнерусского государства. Археологически хорошо изучена распространившаяся здесь славян-

ская боршевская культуры (VIII — X вв.)[1]. Ее население обитало не только в районе верхнего, но и среднего течения Дона. Одним из детально изученных памятников этого периода можно считать городище Титчиха, расположенное на правом берегу Дона в 90 км южнее Воронежа[2]. На территории Липецкой области также обнаружены следы раннего расселения славян близ села Ярлуково. Здесь была найдена славянская керамика, которую можно датировать началом VIII в.[3].

Казалось бы, столь надежные датирующие материалы и обширный ареал славянских поселений в верхнем и среднем Подонье обнадеживающе свидетельствуют о постоянном обитании здесь славянского населения по крайней мере с VIII века. Однако более углубленное изучение вопроса и раскопки выявленных памятников привели к однозначному и хорошо обоснованному выводу о том, что славянское население покинуло эти благодатные земли в конце X в.

Археологические исследования свидетельствуют о массовом уходе славянского населения из этих мест, скорее всего, на север, к Оке, под надежную защиту лесов. Причиной столь внезапного переселения могла стать угроза, исходившая от печенегов, орды которых появились как раз в это время, о чем сообщают русские летописи[4].

После ухода древнерусского боршевского населения район верхнего и среднего течения Дона, в том числе и тульский степной коридор, остаются практически в полном распоряжении кочевников. Расселившееся по Оке древнерусское племя вятичей на протяжении X — XII вв. старательно обходило безлесные пространства верховьев Дона. Хотя материалы раскопок свидетельствуют, что в непосредственной близости от этих мест, в бассейнах Прони и верховьев Оки вятичи проживали без всяких опасений[5]. Приверженность славянского оседлого населения к надежно защищавшим его лесистым районам вполне объяснима боязнью столкновений с кочевниками на открытых пространствах.

Наметившийся с X в. принцип разделения двух противостоящих хозяйственных укладов — оседлого и кочевого — по границам растительных зон, сохранился в этом районе вплоть до монгольского нашествия на Русь 1237 — 1241 гг. После образования Золотой Орды в 1242 г. степные пространства верхнего Подонья вошли в состав этого государства в качестве одного из северных улусов. Пограничная линия, отделявшая русское население от золотоордынского, в основном совпадала с южной кромкой лесных массивов, которые переходили в лесостепь и уже затем в открытые безлесные пространства.

Однако на протяжении XIII — XIV вв. в этом регионе прослеживаются своеобразные черты не только в этническом распределении населения, но и в административном устройстве. Местную специфику породило именно соседство новообразованного золотоордынского государства.

Войска хана Бату на русских землях появлялись не единожды, не просто подтверждая свою власть и политическую зависимость княжеских владений от монгольского сюзерена, а возвращаясь в те области и к тем городам, которые они не успели опустошить в предыдущем походе, В результате, каждый год из пяти лет нашествия (1237 — 1241 гг.) возрастала площадь разоренных территорий, число сожженных городов и уничтоженных деревень. Прямым следствием этого стало не только сокращение населения, но и уменьшение территории, которую оно занимало. Ареал русского населения сжимался за счет его ухода из районов, пограничных со степью, поскольку проживание здесь было не только опасно, но и не гарантировало успешного ведения хозяйства из-за постоянного страха перед золотоордынскими набегами.

В результате, вдоль очень протяженной русско-золотоордынской границы появились обширные незаселенные пространства, обычно занимавшие переходные лесостепные природные зоны. Такие нейтральные полосы посезонно использовались то одной, то другой стороной для конкретных хозяйственных нужд — обычно для охоты и выпаса скота. Тем более, что для самих кочевников понятие «территория государства» ассоциировалось со степными пространствами, удобными для ведения кочевого хозяйства. А представление о границах практически полностью совпадало со сплошной полосой лесных массивов, ограничивающих степи с севера. Территориальные особенности русско-золотоордынского пограничья привели и к административному своеобразию этих районов, особенно хорошо прослеживаемому на протяжении XIII века. Заключалось оно в появлении вдоль пограничной линии обособленных буферных зон, ставших по сути дела разделительной прослойкой между русскими княжествами и Золотой Ордой, между двумя типами хозяйствования.

Основные причины, вызвавшие появление буферных зон, заключались в резком сокращении здесь населения, частично уничтоженного монголами в процессе завоевания, частично угнанного в плен, а частично переселившегося в северные, более спокойные области. Владевшие такими уделами русские князья, в результате, оказались,

с одной стороны, в опасном соседстве с монголами, что было чревато не только полной политической зависимостью, но и постоянной угрозой хозяйственного разорения. С другой стороны, экономическая основа жизни этих районов была не просто подорвана, а требовала огромных усилий для ее возрождения, что явно не соответствовало численности оставшегося здесь населения. В результате, некоторые князья оставляют свои уделы, предпочитая служить у более крупных феодалов. Примером в этом отношении может стать князь Юрий Поросьский, находившийся на службе у Владимира, а затем Мстислава[6]. Брошенные им на произвол судьбы владения с остатками русского населения в бассейне правого притока Днепра — реки Рось перешли в ведение золотоордынской администрации.

Попытка создания одной из таких буферных зон золотоордынским администратором на территории Курского княжества зафиксирована в русских летописях. Рассказ трактует противостояние и борьбу с одной стороны — баскака Ахмата, а с другой — двух русских феодалов — князя Рыльского и Воргольского Олега и Липовичского князя Святослава. Конфликт разгорелся на заведомо русской территории (что особо подчеркивается в летописи)[7], к западу от Курска, где располагался удел Олега. Именно на землях, принадлежавших Олегу, баскак Ахмат «наряди» две слободы[8], в которые быстро стеклось окрестное население, видимо, привлекаемое откровенными экономическими выгодами при покровительстве всесильного золотоордынского чиновника, самовластно распоряжавшегося в Курском княжении.

Условия жизни и ведения хозяйства в Ахматовых слободах были столь привлекательны, что очень скоро все население из окрестностей Рыльска и Воргола перешло к золотоордынскому откупщику. Князь Олег не нашел сил и мужества тягаться с Ахматом лично, оспаривая свои права силой, а решил действовать законным путем и отправился с жалобой к хану в золотоордынскую столицу. Такое решение он принял на совете с родственником — липовическим князем Святославом. Хан благосклонно отнесся к просьбе Олега и выделил ему в помощь военный отряд, который должен был вернуть княжеских людей, прельстившихся различными выгодами проживания в Ахматовых слободах. Слободы подверглись разграблению, а княжеские люди возвращены в Олегову отчину.

Ахмат же, который во время этих событий находился в ставке у известного сепаратизмом Ногая, во всем противостоявшего хану,

добился помощи против Олега у своего высокого покровителя. Когда отряд, направленный Ногаем на помощь Ахмату, появился в Курской земле, то Олег бежал к своему покровителю — хану Золотой Орды, а Святослав в Вороножские леса. С помощью войск Ногая Ахмат, видимо, без какого-либо сопротивления захватил людей, скот и имущество сразу двух княжеств — Рыльско-Воргольского и Липовичского. При этом слободы были заботливо восстановлены и вновь заселены теми же подданными русских князей. Расправа Ахмата со своими противниками носила столь всеобъемлющий характер, что все княжение обезлюдело полностью (за исключением двух Ахматовых слобод); некого было даже устрашать головами и руками казненных бояр Олега[9].

Таким образом, территория Курского княжества, населенного русскими людьми, на какое-то время стала возглавляться золотоордынской администрацией, превратившись в своеобразную буферную зону между Русью и Золотой Ордой. Однако сам Ахмат не рискнул оставаться здесь, справедливо опасаясь мести скрывшихся князей. Он распорядился по поводу сбора дани и налогов, оставил вместо себя двух братьев, а сам предпочел уйти с отрядом Ногая.

Борьба за свои отчины Олега и Святослава закончилась трагически: рыльский князь убил липовичского, а брат последнего отомстил за него. В результате, вновь разбежалось население Ахматовых слобод, а Курская земля лишилась нескольких своих владетелей. Летописный рассказ о столь трагических событиях заключается выводом на общеморальную тему с узкой конкретизацией о том, что все описанное принесло «радость дьяволу и его поспешнику бесерменину Ахмату»[10].

Описанная история датируется в летописи 1283 — 1284 гг., но называемый при этом хан Тулабуга (Телебуга) правил в 1287 — 1290 гг. Его отношения с Ногаем были крайне напряженными, и всесильный временщик способствовал свержению Тулабуги с золотоордынского трона. Занявший вслед за ним престол в Сарае хан Токта пользовался поддержкой Ногая и сам какое-то время благоволил ему. В связи с этим мощь Ногая в 90-е годы XIII в. достигла апогея, и он явно нацеливался оформить свою юридическую самостоятельность от сарайского хана. Дело дошло до того, что власть Токты в землях западнее Дона стала заметно ущемляться. Отсюда можно заключить, что Курское княжение в последнее десятилетие XIII в. находилось в сфере влияния всесильного временщика Ногая. Исходя из этого, было

бы правильно предположить, что Ахмат в эти годы добился превращения курских земель в буферную зону с русским населением и золотоордынской администрацией. Скорее всего, именно по этой причине со страниц русских летописей с конца XIII в. исчезает всякое упоминание о Курском княжестве и его князьях.

Подтверждение именно такому предположению содержится в археологических материалах, полученных из района Курска. Археолог Ю. А. Александров-Липкинг исследовал здесь два городища, на которых была обнаружена золотоордынская поливная керамика.[11] Одно из них (Бесединское) располагалось в 18 км восточнее Курска на правом берегу реки Рати. Второе находится под Курском у с. Лебяжьего, на правом берегу Сейма. Вряд ли возможно оба городища соотнести с Ахматовыми слободами, поскольку они локализовались восточнее Курска. Описываемые же в летописи события происходили на землях князя Рыльского и Воргольского, располагавшихся значительно западнее центра княжества. Владения липовичского князя Святослава, судя по летописному контексту, соприкасались с Рыльским уделом и располагались, скорее всего, к северу от него. Именно поэтому в минуту опасности Святослав бежал на русскую территорию, в Воронožские леса. Мнение о том, что эти леса находились в бассейне реки Воронеж,[12] представляется маловероятным по следующим причинам: во-первых, из-за значительной отдаленности от Курска (около 200 км); во-вторых, отнесение района реки Воронеж к русской территории не только в XIII в., но даже и в XIV в. не подтверждается никакими источниками. Скорее всего, Вороножские леса находились севернее Курска, где начинался обширный лесной массив, тянувшийся в направлении Брянска.

Необходимо еще добавить, что сам факт находки золотоордынской поливной керамики, датируемой XIV в., подтверждает вывод о том, что после борьбы Ахмата с курскими князьями их земли остались в орбите административного и хозяйственного влияния Золотой Орды. Нужно подчеркнуть еще, что рассказ об Ахматовых слободах показывает, что буферные зоны с монгольской администрацией вдоль русско-ордынских границ не представляли собой непрерывной полосы, а существовали лишь в отдельных порубежных районах. Заинтересованность в создании и сохранении таких зон проявляла не золотоордынская кочевая аристократия, владевшая обширными степными улусами, отвечавшими всем требованиям скотоводческого хозяйства, а определенная чиновничья прослойка, действовавшая

в сфере откупов и сбора дани.

Курские земли в XIII в. были самым южным русским владением, находившимся в лесостепной зоне. Именно поэтому в борьбе за их сохранение не принимали участие князья юго-западной и северо-восточной Руси. Княжество, пограничное со степью, не только мало кого привлекало, но, наоборот, отпугивало. Местные удельные владетели это прекрасно сознавали и даже не пытались воспользоваться помощью своих соплеменников, а пытались играть на противоречиях хана и степной аристократии. Естественно, что подобная политика во многом зависела от случая и была не просто непредсказуемой, а откровенно бесперспективной.

Для периода XIV в. одним из самых интереснейших районов русско-ордынского пограничья являются земли к югу от Рязанского княжества и правобережье верхнего течения Дона. В верховьях Дона, как раз по его течению, проходила граница Золотой Орды и Рязанского княжества. Наиболее конкретным и неоспоримым доказательством принадлежности правобережья Дона сарайским ханам является свидетельство русских летописей о том, что Куликовская битва происходила на «ординских землях»[13]. Причем все летописные источники подчеркивают, что как только Дмитрий Иванович Московский со своим войском переправился с левого берега Дона на правый, так сразу же оказался на чужой территории. Куликово поле представляет собой часть уже упоминавшегося Тульского степного коридора, причем проживавшее здесь оседлое население было русским, о чем свидетельствуют раскопки довольно многочисленных, но небольших по площади деревень. Наряду с русской керамикой, здесь была найдена и характерная золотоордынская посуда.

На территории нынешней Воронежской области обнаружены золотоордынские мавзолеи и населенные пункты, что также подтверждает данные письменных источников[14]. В этом же регионе зафиксирован один из самых северных городов Золотой Орды — Мохши, остатки которого исследованы у современного Наровчата.[15] Наконец, нужно упомянуть очень важный письменный источник, — грамоты русских митрополитов о пределах Рязанской и Сарайской епархий.[16] В этих своеобразных документах обращает на себя внимание то, что пограничный вопрос решался не политическими, а религиозными деятелями. То есть проблема состояла не в уточнении границы между государствами, а в разделении сфер влияния двух крупных религиозных общин. Характерно, что вопрос был поднят сарайским иерар-

хом православной церкви, а не рязанским или владимирским. Почему именно сарайский епископ претендовал на ту паству, которая жила в районе, носившем название Червленый Яр?[17] Сарайский владыка выдвигал претензию, исключительно опираясь на государственную принадлежность означенной территории. Учитывая именно этот принцип, вопрос был решен первоначально в его пользу. Однако по прошествии малого времени проблема была поднята вновь, но теперь уже рязанской епархией, и просьба ее была удовлетворена. Несомненно, что в последнем случае решающую роль сыграло удаление Сарая от среднего Подонья, а также близость этого района к русским пределам и перемена политической ситуации во второй половине XIV в.

Произведенные в последнее время разведки и раскопки нескольких десятков поселений с явно русским материалом могут служить лишь доказательством и иллюстрацией спора сарайского и рязанского епископов. Государственные чиновники в этом участия не принимали, очевидно, считая вопрос совершенно ясным. Сами же обнаруженные здесь поселения носят характер хуторов, площадь которых не превышала 0,4 га.[18]

Наконец, нужно обязательно упомянуть о русском городе Ельце, существование которого зафиксировано источниками XIV в. Этот населенный пункт являлся русским анклавом на золотоордынской территории. Скорее всего, Елец представлял собой административный центр одной из буферных зон, администрация которых полностью подчинялась золотоордынским властям. Косвенным, но достаточно убедительным свидетельством этому является то, что Мамай, пройдя в 1380 г. на Куликово поле рядом с Ельцом, не тронул этот город.

В конце 80-х годов XIV в. все земли по верхнему и среднему течению Дона опустели. По крайней мере, такими их увидели путники, сопровождавшие Пимена в его путешествии по реке.[19]

[1] **Ефименко П. П., Третьяков П. Н.** Древнерусские поселения на Дону. Материалы и исследования по археологии СССР № 8, М. 1948.

[2] **Москаленко А. Н.** Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж. 1965.

[3] **Комаров К. И.** Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону. Краткие сообщения Института археологии. № 129, М., 1972, с. 47.

[4] **Москаленко А. Н.** Указ. соч., с. 150 — 151.

[5] **Седов В. В.** Восточные славяне в VI — XIII вв. М. 1982, с. 143.

6 **ПСРЛ**, СПБ, 1908, т. 2, стб. 930.

[7] **ПСРЛ,** Л., 1926, т. 1, стб. 481.

[8] **ПСРЛ,** СПБ, 1913, т. 18, с. 79.

[9] **Там же,** с. 80.

[10] **Там же,** с. 81.

[11] **Александров-Липкинг Ю.** А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971, с. 112 — 117.

[12] **Цветков М. А.** Изменение лесистости европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957, с. 16.

[13] **ПСРЛ**, СПБ, 1859, т. 8, с. 38.

[14] **Левашова В. П**. Золотоордынские памятники в Воронежской области. Труды ГИМ, 1960, т. 37, с. 175.

[15] **Кротков А. А.** К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства. Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1928, № 5, с. 74.

[16] **Акты исторические.** СПБ, 1841, т. 1, с. 1 — 2.

[17] **Шенников А. А.** Червленый Яр. Л., 1987.

[18] **Цыбин М. В.** Древнерусские памятники второй половины XIII — XIV вв. в среднем Подонье. Сб.: Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987, с. 39.

[19] **ПСРЛ,** М., 1965, т. II, с. 96.